

УДК 82.091:82.161.1+82.111

«ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО И «КАЛЕБ ВИЛЬЯМС» У.ГОДВИНА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Маргарита Игоревна Вайсман

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. margaritavaisman@yandex.ru

В статье рассматривается связь романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (1863) с романом Уильяма Годвина «Калеб Вильямс» (1794), проводятся типологические параллели между двумя произведениями. В сравнительном плане анализируется жанровое своеобразие, образный ряд, повествовательные стратегии и особенности стиля романов. Анализ основывается на сравнении исторических, биографических и литературных факторов.

Ключевые слова: Чернышевский; Годвин; роман; литературные связи; сравнительное литературоведение.

Вопрос о взаимосвязи произведений Николая Чернышевского с текстами западноевропейской литературы традиционно решался на материале преимущественно французских текстов. Классическая статья А.П.Скафтымова «Чернышевский и Жорж Санд» (1928) на многие годы задавала направление литературоведческим поискам, сфокусировавшимся на анализе сюжетных перекличек и заимствований «Что делать?» с произведениями Жан-Жака Руссо, Жорж Санд, Эжена Сю и др. Поводом для сравнения в данном случае становятся как прямые указания имен писателей или названий произведений в текстах Чернышевского, так и скрытые из цензурных соображений аллюзии или прозрачные перефразировки, а также биографические источники (письма, дневниковые записи, свидетельства и воспоминания современников о литературных вкусах писателя).

Изучение связей «Что делать?» с английской литературой в силу разных причин отошло на второй план, а в некоторых случаях и вовсе не привлекало внимания литературоведов. Английские писатели, тем не менее, вызывали у Чернышевского большой интерес: Уильям Теккерей, Шарлотта Бронте, Вальтер Скотт, Бульвер-Литтон, Чарльз Диккенс упоминаются в его деловой и личной переписке, дневниках, публицистических статьях и художественных текстах, а сложные метатекстовые игры, составляющие основу неоднозначной художественной структуры романа «Что делать?», берут свое начало в произведениях Лоренса Стерна [Drozd 2001: 59].

Особое место в иерархии литературных ценностей Чернышевского занимал Уильям Годвин. С одной стороны, это образец писателя – политического деятеля (в предисловии к «Повести в повести» Чернышевский писал: «Я хотел идти по такой карьере, как Годвин, чтобы испытать свои силы» [Чернышевский 1949, 12: 683]), а с другой – талантливый автор («один из моих любимых писателей – старик Годвин» [там же: 682]). Годвин, наряду с Руссо, стал для Чернышевского знаковой фигурой, особенно в период работы над романом «Что делать?»¹.

Писатель, философ и «мирный»² революционер, Уильям Годвин был центральной фигурой в группе так называемых писателей-якобинцев, сформировавшейся в Англии в конце XVIII в. После публикации в 1790 г. «Размышлений о революции во Франции» Эдмонда Берка в английской печати разразилась «война памфлетов», во время которой ведущие мыслители и общественные деятели эпохи выступили с декларациями собственных взглядов на монархию и государственное устройство. «Политическое правосудие» Годвина было опубликовано одним из последних, последовав за выступлениями Мэри Вулстонкрафт и Томаса Пейна. Следующим этапом полемики было создание художественного произведения, заключающего в себе философскую доктрину автора, изложенную, однако, в популярной форме, настолько доступной, чтобы быть интересной самому широкому кругу читателей. Годвин и писатели-якобинцы (этот термин, вве-

денный в научный оборот Гэри Кэлли в 1976 г.³, отражает политические взгляды писателей, симпатизирующих французской революции и новому типу общественного устройства) Томас Холкрофт, Элизабет Инчбальд и др. создали целый ряд произведений, отвечающих этому критерию. Роман Годвина «Калеб Вильямс», оказавший столь сильное влияние на Чернышевского, относится к числу таких текстов.

Пик популярности Годвина в России пришелся на сороковые годы девятнадцатого века, однако и двадцать лет спустя его философские и экономические труды «О населении» и «Исследование о политической справедливости» представляли интерес для русской экономической и философской мысли. Чернышевский привел цитату из Годвина в качестве эпиграфа к своей статье «О поземельной собственности» [Чернышевский 1948: 228], публиковал рецензии на его «Исследование о политической справедливости» и «О народонаселении» [Marshall 1984: 392], упоминал имя Годвина в показаниях, которые давал следственной комиссии после заключения в Петропавловскую крепость. Годвин, человек «очень сильного ума, великого литературного таланта и вполне радикального образа мыслей» [Чернышевский 1949, 10: 738], стал для него образцом не только в жизненном, но и в творческом плане.

Оказавшись в 1862 г. в заключении, Чернышевский, и так давно не имевший возможности прямо высказывать свои политические взгляды на страницах «Современника» из-за цензурных ограничений, лишился какой-либо возможности публиковать свои публицистические сочинения. В силу этого, а также наблюдая, сколь широкий общественный резонанс вызвала публикация «Отцов и детей» Тургенева и «Кто виноват?» Герцена, писатель обратился к художественной форме, задумав «роман – вещь, назначенную для массы публики» [Богословский 1955: 325]. Поставив себе целью «разъяснить людям, в чем истина и как следует им думать и жить», Чернышевский планировал написать «Историю материальной и умственной деятельности человечества», а затем переработать ее «в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так, чтобы ее читали все, кто не читает ничего кроме романов» [Паперно 1996: 145-146]. Целью автора, таким образом, стало не только изложение философской доктрины в художественной форме (а именно на этом этапе работы Чернышевского над текстом «Что делать?» традиционно делается акцент в критической литературе о романе), но и ориентация текста на самого разного читателя, широкую публику.

Из всех произведений Годвина (помимо философских трактатов, детских книг и биографии Мэри Вулстонкрафт его перу принадлежат несколько романов, в том числе «Сент-Леон», «Мандевиль» и «Флитвуд») наибольшей популярностью пользовался «Калеб Вильямс, или вещи как они есть», переиздававшийся при жизни Годвина пять раз, первый раз в 1794 г. и последний в 1831 г. Роман был переведен на большинство европейских языков (русский перевод вышел в 1838 г.) и, благодаря своей популярности, во многом определил тенденции развития массовой литературы первой половины XIX в.

Годвин, как позднее и Чернышевский, также изначально ориентировался на широкую читательскую аудиторию и именно поэтому обращается к романной форме. Целью Годвина было не только завлечь читателя, не привыкшего к чтению серьезных философских трактатов, но и преодолеть экономический барьер, стоящий между средним читателем и книгой, образовавшийся в результате специфики печатного дела в Англии конца XVIII в. Философский трактат Годвина «Исследование о политической справедливости» не был запрещен цензурой только потому, что при цене выше одного фунта по словам премьер-министра Уильяма Питта «был слишком дорог, чтобы его мог позволить себе рядовой англичанин»⁴. В предисловии к первому изданию романа в 1794 г. Годвин писал: «Философам теперь ясно, что самый дух и сущность правительства внедряются во все слои общества. Однако это знание однозначно достойно того, чтобы быть переданным и тем людям, для которых работы по философии и науке, скорее всего, никогда не будут доступны» [Godwin 2005: 3]⁵.

Таким образом, создавая художественное произведение, иллюстрирующее и формулирующие основные принципы их философских доктрин, и Чернышевский, и Годвин ориентировались на как можно более широкую читательскую публику.

Оба писателя осознавали, что художественное произведение предъявляет к писателю больше требований, чем журнальная статья (обычная форма выражения для Чернышевского) или политический памфлет (в случае Годвина). Для Чернышевского «Что делать?» был первым опытом художественного письма (за исключением написанной в юношеские годы повести «Теория и практика»), а Годвин свое последнее художественное сочинение опубликовал за десять лет до начала работы над «Калебом Вильямсом» (в 1784 г. из печати вышли три его небольших романа).

Чернышевский заранее предупреждает читателя о том, что автор представленного на суд публики сочинения осознает всю сложность создания правдоподобной, но вымышленной истории. «У меня нет ни тени художественного таланта», – восклицает автор в предисловии к «Что делать?», однако приглашает читателя следить за развитием действия: «Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина – хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей» [Чернышевский 1975: 14]. Просвещение, урок для публики определяется автором как основная задача: «Автору не до прикрас, добрая публика, потому что он все думает, какой сумбур у тебя в голове, сколько лишних, лишних страданий приносит каждому человеку дикая путаница твоих понятий» [там же: 13]. Именно поэтому писатель выбирает романную форму и прибегает к «хитростям романистов», ведь «простодушная наивность публики» вынуждает его «помогать», «браня», то есть обличая.

Исправить неверные понятия и показать «вещи как они есть» – первоочередная задача и для Годвина: «Если автору удалось преподать ценный урок, не уменьшая интереса и страсти, которыми должно характеризоваться произведение подобного рода, у него будет причина поздравить себя с верным выбором средства» [Godwin 2005: 3]⁶ (имеется в виду романная форма).

Неудивительно, что для обоих писателей просветительская функция их произведений выходит на первый план. И Чернышевский, и Годвин придерживались философских принципов Просвещения не только в своих произведениях. Параллели, очевидные в историях их жизней, свидетельствуют о более глубоком сходстве темпераментов и жизненных устремлений.

Николай Чернышевский, как известно, родился в семье священника, протоиерея Гавриила Чернышевского, который и занимался его домашним образованием вплоть до 1842 г., когда писатель поступил в Саратовскую духовную семинарию. В период учебы (4 года, вплоть до 1846 г., когда он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета) Чернышевский достиг столь выдающихся успехов, что о нем отзывались как о «надежде русской церкви» [Кантор 2000: 157-180]. После окончания университета, по возвращении в Саратов, Чернышевский три года преподавал в Саратовской гимназии, а в 1854 г. получил назначение в Санкт-Петербург в качестве учителя во Второй кадетский корпус.

«В детстве, – писал Годвин, – меня воспитывали по самым строгим и жестоким нормам христианской религии. В младенчестве многие относились ко мне как к святому» [Hindle 2005: xxviii] В 1773 г. Годвин начал обучение в Диссентерской академии в Хокстоне и до 1782 г. проповедовал в различных приходах. В 1797 г. опубликовал трактат о воспитании и образовании, «Исследователь», а с 1803 г. занимался домашним воспитанием своих детей (дочери Мэри, будущего автора «Франкенштейна», сына Уильяма, приемных дочерей и сыновей).

Исайя Берлин в своих работах часто упоминает «общеизвестную русскую склонность к проповедованию» [Berlin 1953: 7], связанную с тем, что «в России общественные и политические мыслители превращаются в поэтов и романистов, тогда как талантливые авторы часто становятся публицистами <...> и следовательно, литература становится полем боя, на котором решаются основные общественные и политические жизненные вопросы» [Berlin 1973: 9]. Не отрицая этого, отметим, что характерные функциональные черты проповеди характерны для большинства идеологически окрашенных повествований, что хорошо видно на примере сравнения «Что делать?» и «Калеба Вильямса». Характерно, что оба писателя в силу своего образования и профессии прекрасно владели формальными правилами риторики, одного из главных инструментов идеологического «гипер-кодирования» [Эко 2005: 233]. Оба романа тесно связаны с библейскими текстами, а Калеба и Рахметова, центральных героев, критики часто сравнивают с «ветхозаветным пророком» [Hindle 2005: xxxi]⁷ и Иисусом Христом⁸.

Оказавшись в ситуации, когда прямое политическое высказывание было невозможным (Чернышевскому не удалось опубликовать почти ничего из написанного в первые годы заключения и ссылки) или бесполезным, потому что не достигает своего адресата (Годвину было очевидно, что хотя «Исследование о политическом правосудии» и разошлось в списках, роман будет доступен куда более широкой публике), и Чернышевский, и Годвин, обращаются к художественной форме, используя прежде всего ее иллюстративную функцию. Оба писателя находились в рамках жестокой цензуры: Годвин был вынужден по совету издателя опустить философское предисловие к «Калебу Вильямсу», чтобы избежать обвинения в измене, а во многом необъяснимая история появления «Что делать?» в печати подробно описана в литературе о Чернышевском⁹. Безусловно, ни «Калеба Вильямса», ни «Что делать?» как литературные произведения

невозможно свести лишь к иллюстрации философской доктрины их авторов. Однако историко-литературные обстоятельства, в которых они были созданы, позволяют провести между двумя романами типологическую параллель.

Сравнивая «Что делать?» с его предшественником «Калемом Вильямсом», следует принимать во внимание два важных историко-литературных факта: во-первых, сходство исторических ситуаций, в которых создавались эти произведения, и, во-вторых, изменения, произошедшие в результате развития романного жанра в течение тех семидесяти лет, что разделяют даты написания двух романов.

Шестидесятые годы XIX в. часто рассматриваются как отдельная эпоха в истории развития русской литературы и культуры¹⁰. Два последних десятилетия восемнадцатого века были для английской литературы на менее значимым периодом. Годы с 1789-го по 1795-й выделяются, так же как 1860-е гг. в российском литературоведении, в особый период, получивший название «*Revolution controversy*»¹¹, «период революционных разногласий». В это время в печати разгорелась «возможно, последняя в истории Британии серьезная полемика о фундаментальных политических принципах»¹².

Политическая обстановка, накаленная откликами ведущих английских мыслителей на революционные события во Франции, была очень напряженной, многие знакомые и единомышленники Годвина были арестованы, трое – пожизненно сосланы. Издатели и редакторы журналов с большой осторожностью подходили к отбору материала для печати, стараясь защитить своих авторов. В предисловии ко второму изданию «Калеба Вильямса» Годвин писал: «Это предисловие было изъято из изначального издания, в соответствии с предупреждениями книгопродавцев. «Калек Вильямс» впервые вышел в свет в тот самый месяц, когда был заключен кровавый заговор против свободы англичан, который счастливо разрешился оправданием его первых жертв в завершение того года. Этими днями правил террор, и существовали опасения, что даже скромного романиста можно будет убедительно обвинить в измене» [Godwin 2005: 3]¹³. Цензурное и политическое давление, которому подвергался в шестидесятые годы «Современник» и другие журналы, хорошо известно.

Типологическое сходство романов проявляется и более тонко – на уровне художественных образов. Одна из самых интересных параллелей – элементы готики в образной системе «Что делать?» и «Калеба Вильямса». Морис Хиндл называет сплав идеологии и сенсационного романа,

изобретенный Годвином, «политической готикой», и в качестве иллюстрации этого тезиса приводит замечание Мишеля Фуко о том, что «в революционные периоды готические романы создают целый мир каменных стен, мрака, укромных мест и подземелий <...>» [Hindle 2005: xxxiii]. Образы подвала, дворца и замка, играющие центральную роль в «Что делать?»¹⁴, перекликаются с картинами освобождения Калеба из подземелий и тюрем, его пребывания в поместьях Фолкленда.

Таким образом, оба романа вышли в свет в ситуации, когда публикация литературного произведения сама по себе становилась политическим актом, в котором роман становился идеологическим оружием. Неудивительно, что в такой период Годвин становится примером для Чернышевского, о чем говорит непосредственное упоминание имени английского писателя в контексте его политических заявлений и статей. Более того, цитата, приведенная Чернышевским в качестве эпиграфа к статье «О поземельной собственности», свидетельствует о том, что особый интерес у него вызывала не только философия, но и художественный метод, нарративные техники Годвина: «Но я знаю, что внимание наибольшего числа читателей поддерживается, когда мысль представляется им в форме прения. Если бы я изложил свои соображения не в форме спора, то, вероятно, исследование этого вопроса не возбудило бы интереса в той степени, до какой я могу надеяться привлечь его теперь, если действительно мне удалось пояснить исследуемый предмет. Понимание многих предметов, чрезвычайно важных для счастья людей, основывается на сведениях столь простых, что этими сведениями пренебрегают люди опрометчивые и презирают их люди поверхностные» [Чернышевский 1948: 228].

Повествовательные стратегии, в итоге использованные Чернышевским (многоуровневая система взаимодействия автора с читателем, сведение воедино сразу нескольких антропоцентричных сюжетов, превалирование мелодраматической модальности над реалистической и пр.), часто становились объектом критики, как современников писателя [см. Паперно 1996: 25], так и литературоведов XX в. И хотя связи «Что делать?» с английской литературой отражают в основном интерес Чернышевского к формальным аспектам художественного текста [Drozdz 2001: 59], изначальное обращение к форме романа, к тому же романа, предназначенного для как можно более широкой аудитории и потому по необходимости ориентированного на повествовательные стратегии и модальность популярной

литературы, обусловлено, вероятно, особым отношением Чернышевского к Годвину, его интересом к судьбе и творчеству английского писателя и философа.

Кажущимся противоречием будет в данном случае решение Чернышевского положить в основу романа любовный сюжет. Рассуждая о «Калебе Вильямсе», Чернышевский писал: «Годвин вздумал написать роман без любви. Это замечательный роман. Он читается с таким интересом, как самые роскошные произведения Жоржа Занда. Это «Калек Вильямс» [Чернышевский 1949, 12: 683]. Это, однако, не совсем соответствует истине. Действительно, «Калек Вильямс» выделяется даже среди произведений современников Годвина отсутствием ярко-выраженной любовной линии. Эмоциональную основу сюжета составляют взаимоотношения секретаря Калеба с его хозяином, Фолклендом. Динамика этих отношений не только напоминает любовную, но и используется Годвином в той же функции, что и любовный сюжет другими авторами, позволяя с особой тонкостью раскрыть тему «домашнего и другого не замечаемого деспотизма». Личные взаимоотношения в «Калебе Вильямсе» становятся зеркалом укрепившейся в обществе социальной несправедливости. Не случайно в «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, другом «якобинском» романе, опубликованном через пятьдесят лет после «Калеба Уильямса», главная героиня, отстаивая свое равноправие, повторит речь Калеба практически слово в слово.

Трудности, с которыми сталкиваются «новые люди», – того же порядка, что и проблемы, превратившие жизнь Калеба в «арену бедствий» [Godwin 2005: 5]¹⁵. По словам Мориса Хиндла, «проблемой для Калеба, как и для любого противника врожденных реакционных ценностей, становится то, что «невежество», которое его окружает и служит причиной его осуждения, на самом деле является очень влиятельной формой общественного мнения, или, как мы могли бы теперь это назвать, идеологией <...>» [Hindle 2005: xix]¹⁶. Любовная линия, на которой строится повествование в «Что делать?», отходит на второй план по сравнению с важностью идеологической интерпретации поступков, совершаемых героями, пока разворачивается адюльтерная интрига. Таким образом, беря в качестве образца «Калек Вильямс», «роман без любви», Чернышевский ориентировался на одну из главных особенностей таланта его автора – умение частной историей проиллюстрировать общественный и политический кризис.

Основное различие между «Калеком Вильямсом» и «Что делать?» (Калек ведет рассказ от

первого лица, а историю «новых людей» рассказывает всезнающий автор) парадоксальным образом указывает на их фундаментальное сходство. Коренным связующим текстом для обоих романов является «Исповедь» Жан-Жака Руссо. Чернышевский не только был хорошо знаком с произведениями и философией Руссо, но и подготовил свой перевод второй части «Исповеди», а место «руссоизма» в философской концепции Годвина составляет отдельный предмет исследования литературоведов.

«Калек Вильямс», написанный под непосредственным влиянием «Исповеди», связан с ней как типом повествования (автор-рассказчик, ведущий повествование от первого лица, создает своего рода «духовную автобиографию»¹⁷), так и, в широком плане, типом героя – молодого человека, находящегося в услужении и внезапно осознающего, сколь широкая пропасть лежит между естественным положением вещей и закрепившимися в обществе несправедливыми представлениями.

«Что делать?» ориентируется в повествовательном плане не только на Годвина, но и на более близкие по времени образцы русской литературы. В литературе о Чернышевском много внимания уделяется генезису его сюжетов и их связи с русскими романами и повестями¹⁸. Однако главный «революционный» компонент «Исповеди» вводится автором в первой же части романа, смоделированной по примеру романа воспитания, – «Жизнь Веры Павловны в родительском семействе». Лопухов, открывший Верочке возможность жить по правилам «новых людей», не просто находится в услужении, как Калек. Подобно герою Руссо, он домашний учитель и, таким образом, реализует ту же «подрывную» функцию, разрушая жизнь, проживаемую по правилам Марьи Алексеевны, Вериней матери, изнутри.

Роман воспитания, философский трактат, психологический и семейный роман – в «Что делать?» Чернышевский оперирует сразу несколькими литературными жанрами, отчасти из цензурных соображений, отчасти поскольку таким был его художественный метод. Именно поэтому однозначное определение жанра «Что делать?» традиционно ставит исследователей в тупик. Сравнение с «Калеком Вильямсом» открывает новые возможности для постановки и решения этой проблемы. Невозможность окончательно отнести «Что делать?» к тому или иному жанру часто обусловлена смешением различных стилей – характерной особенностью письма Чернышевского. Если первая глава реализует модель и написана в рамках дискурса романа воспитания,

вторая («Первая любовь и законный брак») названием и предметом отсылает к произведениям И.С.Тургенева, то описание швейной мастерской Веры Павловны выдержано в сухом, объективном стиле экономического трактата и т. д. Однако созданная Чернышевским повествовательная модель оказалась столь успешной, что за «Что делать?» последовал целый ряд произведений подобного рода, «революционно-демократических романов».

«Калев Вильямс» имел такую же судьбу. Памела Клемит называет жанр, созданный Годвином «годвинианским романом», и выделяет его особые черты, унаследованные такими авторами, как Брокден Браун и Мэри Шелли [Clemmit 1993]. Б.Дж.Тайсдел [Tysdahl 1981], в свою очередь, предлагает рассматривать отсутствие стилиевой гомогенности в текстах Годвина как их особую черту, прием, используемый с целью создания оптической иллюзии «утка / кролик» (критик имеет в виду изображение головы животного, в которой один зритель может увидеть кроличьи уши, а дугой – утиный клюв). Эффект, описываемый Тайсделом, как нам кажется, во многом напоминает рассмотренный Бахтиным принцип полифонии в романе, который принципиально переносит акцент с доминирующего авторского сознания на читательское. «Что делать?», как и «Калев Вильямс», может быть прочитан и как философский роман, и как сенсационный, как роман идей и как мелодрама, причем одна возможность не исключает другую – все эти жанры заключены в изначально созданной автором сложной конструкции.

Выявление и анализ типологических параллелей между «Что делать?» и «Калевом Вильямсом» делает возможным новый подход к проблемам, традиционно рассматриваемым в чернышевсковедении (жанрового своеобразия «Что делать?», соотношения философской доктрины Чернышевского и его художественных произведений и пр.), а использование методологии сравнительного литературоведения открывает новые пути их решения.

¹ Как пишет Н.Богословский, «находясь под следствием, Чернышевский в одном из показаний хитроумно писал членам следственной комиссии: “Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим. Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристику только уже в немолодых годах, – рано им не получить успеха. Если бы не денежная необходимость, возникшая от прекращения моей публицистической деятельности моим арестованием, я не начал бы печатать романа и в 35-летнем возрасте. Руссо ждал до старости. Годвин также. Роман – вещь, назначенная для мас-

сы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни?”». (Чернышевский таким образом старался отвлечь внимание комиссии от опасных высказываний, обнаруженных в его юношеских дневниках, желая выдать их за наброски будущих романов) [Богословский 1955: 324].

² «Godwin has been chiefly remembered as a philosopher and novelist. But his was also a revolutionary, albeit a peaceful one, in that he called for a peaceful transformation of human relations <...>» [Marshall 1984: 5].

³ См. Kelly G. The English Jacobin Novel, 1789-1805. Oxford: Clarendon Press, 1976.

⁴ Эта легенда встречается во многих жизнеописаниях Годвина. См., например, Marshall P.H. William Godwin. New Haven; London: Yale University Press, 1984 или Philp M. Godwin's Political Justice. London: Duckworth 1986.

⁵ «It is now known to philosophers, that the spirit and character of the government intrudes itself into every rank of society. But this is a truth highly worthy to be communicated to persons, whom books of philosophy and science are never likely to reach» [Godwin 2005: 3].

⁶ «If the author shall have taught a valuable lesson, without subtracting from the interest and passion by which a performance of this sort ought to be characterised, he will have reason to congratulate himself upon the vehicle he has chosen» [Godwin 2005: 3].

⁷ «Caleb thunders and roars like an old testament prophet» [Hindle 2005: xxxi].

⁸ См., например, статью Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 66-84.

⁹ См., например: Демченко А.А. Николай Гаврилович Чернышевский. Научная биография. Ч.1-4. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978-1994.

¹⁰ См.: Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982.

¹¹ «...perhaps the last real discussion of the fundamentals of politics» [Butler 1984: 1].

¹² «This preface was withdrawn in the original edition, in compliance with the alarms of booksellers. ‘Caleb Williams’ made his first appearance in the world, in the same month in the which the sanguinary plot broke out against the liberties of Englishmen, which was happily terminated by the acquittal of its first intended victims, in the close of that year. Terror was the order of the day; and it was feared that even the humble novelist might be shown to be constructively a traitor» [Godwin 2005: 3].

¹³ См., например: «И снится Верочке сон. Снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бежит, резвится и думает: “Как же это я могла не умереть в подвале?” ...И Верочка идет по городу: вот подвал – в подвале заперты девушки» [Чернышевский 1981: 99-100]; «А когда я уснула, какой сон видела! (рассказывает Вера Лопухову). Будто я освобождаюсь из душного подвала...» [там же: 104]; «Вот,

мой милый, ты меня выпускаешь на волю из подвала: какой ты умный и добрый» [там же: 113] и т. д.

¹⁴ «My life has for several years been a theater of calamity» [Godwin 2005: 5].

¹⁵ «But the problem for Caleb, as for any subverter of ingrained reactionary values, is that the ‘ignorance’ by which they are surrounded and condemned is actually a very powerful form of social opinion, or, as we might now call it, of ideology» [Hindle 2005: xix].

¹⁶ Вопрос о типе повествования, использованном Годвином в «Калебе Вильямса», конечно же, не исчерпывается сравнением с «Исповедью» Руссо. Литературный контекст, в котором создавался роман, включает в себя и такие «духовные биографии», как «Путешествие пилигрима» Джона Баньяна и работы Дефо. См. *Starr G.A. Defoe and Spiritual Autobiography*. New York: Gordian Press, 1965.

¹⁷ См., например: *Лотман Л.М. Чернышевский-романист // История русской литературы: в 10 т. Т. 8. Ч. 1: Литература шестидесятых годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 484-535.*

Список литературы

Богословский Н. Николай Гаврилович Чернышевский. М.: Молодая гвардия, 1955.

Демченко А.А. Николай Гаврилович Чернышевский. Научная биография. Ч.1-4. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978-1994.

Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982.

Кантор В.К. Срубленное дерево жизни. Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском? // Октябрь. 2000. № 2. С. 157-180.

Лотман Л.М. Чернышевский-романист // История русской литературы: в 10 т. Т. 8. Ч. 1: Литература шестидесятых годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 484-535.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛО, 1996.

Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы. 2001. № 3. С.66-84.

Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. Т.1.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос изд-во худож. лит., 1949.

Чернышевский Н.Г. Что делать? Пермь: Перм. кн. изд-во, 1981.

Чернышевский Н.Г. Что делать? Л.: Наука, 1975.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005.

Berlin I. Fathers and Children: the Romans lecture delivered in the Sheldonian Theatre 12 November 1970. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Berlin I. The Hedgehog and The Fox: an essay on Tolstoy's view of history. London: Weidenfeld & Nicolson, 1953.

Butler M. Burke, Paine, Godwin, and the Revolution Controversy. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Clemis P. The Godwinian Novel: The Rational Fictions of Godwin, Brockden Brown and Mary Shelley. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Drozdz A. Chernyshevskii's *What Is to Be Done*: A Reevaluation. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001.

Godwin W. Caleb Williams. London: Penguin Books, 2005.

Hindle M. Introduction // *Godwin W.* Caleb Williams. London: Penguin Books, 2005. P. iv-xxxviii.

Kelly G. The English Jacobin Novel, 1789-1805. Oxford: Clarendon Press, 1976.

Marshall P.H. William Godwin. New Haven; London: Yale University Press, 1984.

Philp M. Godwin's Political Justice. London: Duckworth, 1986.

Starr G.A. Defoe and Spiritual Autobiography. New York: Gordian Press, 1965.

Tysdahl B.J. William Godwin As Novelist. London: Athlone Press; Atlantic Highlands: Humanities Press, 1981.

NIKOLAY CHERNYSHEVSKY'S «WHAT IS TO BE DONE» AND WILLIAM GODWIN'S «CALEB WILLIAMS»: TYPOLOGICAL PARALLELS

Margarita I. Vaysman

Post-graduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

The article establishes typological parallels between N.Chernyshevsky's «What Is to Be Done» (1863) and William Godwin's «Caleb Williams» (1794). Comparative analysis is focused on the specifics of the genre, imagery, narrative strategies and style of both novels. The comparison is based on historical, biographical and literary facts.

Key words: Chernyshevsky; Godwin; novel; comparative studies; genre.